

Тетка держалась с таким вызывающим видом, будто это Сюань Чжэн должен был чувствовать себя виноватым, что его сбила с ног её госпожа. Наглость чистой воды.

Вокруг берега собралась толпа любителей поглазеть на чужие неприятности, и, услышав перепалку, люди начали подстрекать:

— И то верно! Молодой господин, как же вы не умеете жалеть слабый пол?

— Будь я на вашем месте, давно бы подхватил барышню, как можно было допустить, чтобы она упала в воду?

— Точно, точно! Посмотрите, как она плачет, до чего же жалко. Даже у такого грубияна, как я, сердце кровью обливается.

Подобные выкрики не смолкали. Линь Чэньюй взглянул на барышню, барахтающуюся в воде, и едва сдержал усмешку. Слишком уж много в этом было наигранности, а Сюань Чжэн вовсе не дурак, чтобы не заметить подвоха. Если бы между ними была взаимная симпатия, такая сцена ещё могла бы сойти за романтическую случайность, но сейчас ситуация выглядела крайне нелепо.

Очевидно, барышня, предвидя провал своего плана с падением, заранее расставила людей: кто-то должен был спасать, кто-то — преграждать путь, всё было схвачено. Сюань Чжэн, столкнувшись с подобными интригами, оставался абсолютно равнодушным, холодно наблюдая, как красавица бьётся в воде.

Тетка продолжала язвить, хотя было очевидно, что её госпожа сама попала в ловушку собственных козней, пытаясь при этом выставить виноватым другого. Линь Чэньюй поднял глаза на Сюань Чжэна — с чего бы это вдруг у того возникло лицо, которое так и хочется облапошить?

Лежащую на земле барышню окружили служанки, скрывая её лицо. Слышались лишь её слабые, надрывные всхлипывания:

— Матушка Чжан, довольно. Это я оступилась, господин тут ни при чём.

Затем она добавила:

— Прошу прощения, господин. Матушка Чжан просто испугалась за меня и наговорила лишнего, не сердитесь на неё.

Послушать её — так само благородство, доброта и кротость. Хоть в ладоши хлопай.

— Раз понимаете, в следующий раз будьте осторожнее, — тон Сюань Чжэна оставался бесстрастным. Его слова могли бы сойти за утешение, но не успела барышня обрадоваться, как

он добавил: — И не впутывайте в это других.

Хотя на дворе стояло жаркое лето, барышня только что выбралась из воды и продрогла на ветру. Её лицо, и без того бледное, после этих слов вовсе лишилось красок.

Сюань Чжэн, привыкший к подобным уловкам, не придал произошедшему никакого значения и, потянув за собой Линь Чэньюя, зашагал прочь.

Линь Чэньюй покачал головой и со вздохом заметил:

— И впрямь, никакой жалости к прекрасным дамам.

Почти одновременно с ним Сюань Чжэн произнёс:

— Она ведь хотела столкнуть тебя. Хорошо, что я вовремя заметил, а то с твоим-то телосложением, свалился бы в воду — и простуды не миновать.

Лишь после долгих расспросов Линь Чэньюй понял: Сюань Чжэн всё это время считал, что барышня целилась в него.

Линь Чэньюй помолчал, а потом спросил:

— С чего ты взял, что она хотела столкнуть именно меня?

Сюань Чжэн всё ещё злился:

— Я своими глазами видел! Хоть Чэньюй и красивый, и милый, но та девица совсем стыд потеряла, раз бросается на людей. Она явно хотела, чтобы вы вместе свалились в реку, а потом можно было бы навязаться.

Сюань Чжэн был уверен в своей правоте.

— ... — Линь Чэньюй снова вздохнул, не зная, что ответить. — Раз ты так считаешь, пусть будет по-твоему.

Сюань Чжэн, однако, не успокаивался и, словно заботливая нянька, продолжал наставлять:

— Скоро я уеду в столицу, ты уж будь осторожнее, не давай никому себя обвести вокруг пальца. Люди снаружи коварные, береги себя...

Из всей этой тирады Линь Чэньюй услышал только начало:

— Ты уезжаешь в столицу?

— Да, — подтвердил Сюань Чжэн.

Настроение Линь Чэньюя мгновенно переменилось. Сюань Чжэн так долго не заговаривал об отъезде, что Линь Чэньюй само собой забыл о том, что это неизбежно. Он не знал, как на это реагировать.

Сюань Чжэн принялся его успокаивать:

— Ничего, вот закончу дела в столице и сразу вернусь к тебе.

— ...М-м, — Линь Чэньюй в душе ему не верил. Сюань Чжэн — член императорской семьи, разве может он постоянно мотаться в Янчжоу? Эти слова — лишь утешение, если принять их за чистую монету, потом будет только больнее.

Он думал, что у Сюань Чжэна в запасе есть ещё дней десять или полмесяца, но наутро того не оказалось на месте. Линь Жухай лишь сказал:

— Уехал вчера ночью.

Линь Чэньюй мысленно ругал его за бессердечие — даже не попрощался, но вслух лишь сухо отозвался:

— Понятно.

Разве могли домашние не заметить перемен? Тот, кто обычно съедал полную чашку риса, сегодня едва притронулся к еде. Кто в это поверит?

Когда Линь Чэньюй ушёл, Линь Жухай испытал одновременно и тревогу, и облегчение. Сын не знал, кто такой Сюань Чжэн, но сам-то он прекрасно понимал. Кто он такой? Младший брат, самый любимый из всех, кого император растил как родного сына — даже родные принцы не шли с ним в сравнение.

Некоторое время назад, когда в столице было беспокойно, император отправил его в Янчжоу, чтобы уберечь. Это была строжайшая тайна, о которой не знал никто, кроме него самого, — всё ради безопасности. В глазах посторонних Сюань Чжэн всё ещё находился в столице, но Линь Жухай знал, что там лишь его двойник. И хотя на виду был только мастер Фэн, на самом деле вся усадьба Линь была под неусыпной охраной тайных стражей.

Слуга государев обязан разделять его заботы, а раз император доверил ему такое важное дело, значит, доверял. Но всё это держало его в постоянном напряжении — одна ошибка, и весь род будет уничтожен. Он ворочался всю ночь, вздрагивая от каждого шороха, подозревая, что это подсланные убийцы.

Линь Жухай сжал в пальцах изящный цветочный рогалик и подумал, что сегодня-то он наконец выпится. А насчёт настроения сына он не переживал — пройдёт время, и всё забудется.

Линь Чэньюй и тот гость были близки, и Линь Жухай радовался, но в то же время боялся, что сын чем-то прогневает столь высокого гостя. Теперь же всё встало на свои места.

У Линь Чэньюя была служанка по имени Бай Лу, раньше служившая у Цзя Минь, — очень рассудительная девушка. Заметив, что господин не в духе, она принесла ему всяких диковинных вещиц, но Линь Чэньюй лишь мельком взглянул на них и отложил в сторону. Никто из слуг не мог поднять ему настроение.

На душе у Линь Чэньюя было беспокойно, он чувствовал какую-то пустоту: ни чтение, ни упражнения с мечом не приносили радости, словно чего-то не хватало. Он пытался успокоить себя тем, что это лишь привычка, и скоро всё наладится.

В тот день Линь Чэньюй упражнялся с мечом вместе с Дайюй. Мастер Фэн оставил им записи приёмов, и Дайюй, обладая острым умом, уже неплохо справлялась. Несколько дней назад Линь Чэньюй опустошил свою казну, чтобы заказать для сестры меч, который назвал Покоряющим облака.

Меч был необычайно острым, но Дайюй пока им не пользовалась — боялась случайно ранить брата во время тренировки. Линь Чэньюй уверял, что этого не случится, но она отвечала, что осторожность не помешает.

Когда Линь Жухай вошёл во двор вместе с Цзя Лянем, поединок брата и сестры заставил последнего воскликнуть от изумления. Такого он ещё не видел.

<http://bllate.org/book/20882/2111127>